

Литературное объединение «Остров вдохновения»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 21. 2019 Г.

Отчий дом

Владимир Мурзин

**Литературный альманах.
Выпуск 21. 2019 г. Отчий дом**

«Издательские решения»

Мурзин В. А.

Литературный альманах. Выпуск 21. 2019 г. Отчий дом /
В. А. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508001-1

«Отчий дом» — что скрывается за этим понятием? Что-то очень важное, дорогое сердцу, что каждый трепетно бережет в себе... Это нежные руки матери, ласковый и поддерживающий взгляд отца, воспоминания детства и юности... Это любовь, ведь в любви мы растем и учимся жизни в доме наших родителей, а потом уже сами — с любовью и заботой — создаем Отчий дом для наших детей. И так продолжается жизнь! Татьяна Марьясова, заслуженный учитель Российской Федерации.

ISBN 978-5-00-508001-1

© Мурзин В. А.
© Издательские решения

Содержание

Отчий дом	6
Предисловие	6
Валентина Богданова	7
Верю!	7
Лучи	7
За нашу тишину	7
Елена Бойченко	12
Любимая весна	12
Родной город	15
Николай Бойченко	16
Воспоминания о малой Родине	17
Родная земля	17
Надежда Борисова	19
Полина Глинская	20
Навеяно	20
Леонид Глинский	23
Скоро лето	23
Вечер	24
Человеческое Тепло	25
Чёрная дыра	28
Светлана Дружинина (Шулешова)	30
Земланд	30
Все дожди России	31
Я ещё приеду	32
Андрей Дударь	33
Лидия Ерохина	36
Русская женщина	36
Россия	36
Русь	37
Вдовы России	37
Моя Россия	38
Николай Жуков	40
Первый прыжок	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Литературный альманах. Выпуск 21. 2019 г. Отчий дом

Автор обложки Владимир Алексеевич Мурзин

Редактор Татьяна Викторовна Марьясова

Корректор Надежда Павловна Литвинова

ISBN 978-5-0050-8001-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отчий дом

Предисловие

«Отчий дом» – что скрывается за этим понятием?

Что-то очень важное, дорогое сердцу, что каждый трепетно бережет в себе... Это нежные руки матери, ласковый и поддерживающий взгляд отца, воспоминания детства и юности... Это любовь, ведь в любви мы растем и учимся жизни в доме наших родителей, а потом уже сами – с любовью и заботой – создаем Отчий дом для наших детей. И так продолжается жизнь!

Это то место на карте, которое стало родным, это друзья, мечты, рассветы и закаты, красота окружающей природы – твоя малая родина, которой ты признаешься в любви и желаешь процветания.

Это наша Родина – Россия, и мы ощущаем себя частичкой богатой истории огромной страны, в которой нам посчастливилось родиться.

Такое емкое понятие «Отчего дома»... И обо всем этом, каждый по-своему, пишут наши «островитяне» – переживая и радуясь, мечтая и надеясь... Совсем юные и убеленные сединами передают вам, уважаемые читатели, свою любовь к родному дому, к родной земле, к родной Отчизне.

Татьяна Марьясова,

Заслуженный учитель Российской Федерации,

член «Острова вдохновения»

Валентина Богданова

Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город Балтийск. Автор четырнадцати сборников стихов и прозы. Дипломант всероссийского конкурса «Спасибо тебе, солдат!» Печатается в альманахах организации и в периодических изданиях.

Верю!

Я люблю небо. Я люблю море. Люблю огонь.

Можно бесконечно долго смотреть в небо, на морскую гладь. Невозможно глаз оторвать от трепещущих языков пламени. Некогда человек каменного века научился высекать огонь. И человек стал властелином природы, хозяином Земли.

Что принесет человеку могучий огонь разбуженного атома? Ведь его высекли из урана недавно – в середине двадцатого века. Сможем ли мы смотреть на него так же восторженно, как глядим в небеса, в голубые про-сторы моря, на танцующие всплески огня?

Верю, сможем!

А потом стали говорить о ядерной зиме...

Но все равно я верю в лучшее – что никогда человек не уничтожит свою Землю и все прекрасное на ней!

Верю!..

Лучи

Вы видели когда-нибудь, как после грозового дождя на землю падают лучи солнца, пробивающегося сквозь тучи? Лучи прорезают косые клочья облаков, они стоят в небе, как яркие, полупрозрачные колонны, поддерживающие грохочущий, неистовый купол неба.

Взгляни на землю: она вымыта дождем. Цветы, искалеченные градом и ветром, еще не подняли свои головки. Но солнце уже искрится в каждой капле влаги отражением того великого, что произошло! Напоминанием о существовании солнца, дарующего жизнь!

За нашу тишину

Российские поля, знакомые дороги,
И мирной тишиной объят весь лик Земли.
За эту тишину, в бессмертье, по тревоге,
Наши отцы и деды до Эльбы самой шли.
Смотрю на вас я в день улыбчивый, погожий,
Что радугой весь мир, будто короною, накрыл,
И мне сейчас опять всего милей, дороже,
Что здесь моя душа полна добра и сил!

Золотую осень провожаю,
И рождаются в душе стихи.
А слова у ветра занимаю,

У листвы, и солнца, и у всех стихий.
Ощуцаю ко всему причастность,
И готова каждого понять,
И с улыбкой радости и счастья
Утром новый день спешу встречать!

Отзимую. Будет снова лето —
С птицами, с цветеньем на лугу.
Будет жизнь надеждами согрета.
И написать об этом я смогу.

Перед летнею грозой
Стихло все в природе.

Пахнет скошенной травой
И ромашкой полевой,
Дух смятенья бродит...

Разгуляется вот-вот
По полям стихия!..
И в тревожной тишине
Ожидает перемен
Матушка-Россия...
Слушаю музыку
Слушаю музыки волнующие звуки,
Несущие тепло и радость, как весна,
Как чьи-то чуткие заботливые руки.
И все-таки душа грустна...

Все потому, что суеты сняв груз,
Как будто выйдя из тумана,
Я вспомнила всю боль и грусть
Влюбленного в Россию Левитана.

Уж зреет шум оваций в зале,
Взволнованные зрители встают.
Иду я к выходу, а в сердце
У меня звучит волнующий этюд...

Сегодня на слова скупа я,
А в сердце расплескалась грусть —
Иду на кладбище я к маме,
Земным поклоном поклонюсь!
За день, что ясен так и светел,
За мир прекрасный наяву,
За землю в сказочных рассветах,

За то, что просто я живу!

Душа сегодня – нараспашку!
А травы – буйные вокруг,
И от цветения ромашки,
Будто в снегу, июньский луг.
Небесная синь надо мною,
Земля – и мягка и тепла...
Беседую тихо с собою
И с мамой: «Меня ты ждала?..»

Исповедуюсь тихо, как в храме,
Раскаявшись, будто молюсь...
Любимой, единственной маме
Низко я – до земли – поклонюсь!
Малой родине
Малая родина – до встречи!
Встречусь с тобой еще не раз.
Здесь солнце радостнее светит,
И ярче все вокруг во много раз!

Здесь «дым Отечества» приятней,
Душевней люди и добрей,
И здесь становится понятней,
Что спрятано за дымкой дней.

Здесь все свое, и все любимо,
И здесь сильней я становлюсь!
Ты для меня – неповторима,
Как вся моя святая Русь!
России
Песни твои – до звезд достали!
Пейзажи скромные твои
Меня домой из дали звали,
Как журавли и соловьи.

Да и не знаю мест я лучше,
Не знаю солнышка теплей,
Людей душевней и певучей,
Чем на сторонushке моей!

Здесь все полно небесной сини,
И нет нигде ее милей.
И слово гордое – Россия —
Родное – до последних дней!

В самом сердце он скрыт у меня —
Мир с бесценнейшей красотой:

Пушкин, Лермонтов, Шекспир, Рембрандт,
Штраус и Бетховен, Лев Толстой...
Музыка, живопись, чувства и мысль —
Счастливой женщины мир земной!
Ведь для того мы и родились,
Чтоб носить это в сердце с собой!
Да и жизнь ли она, если этим бедна,
Если жаждой творить до краев не полна!

Держу перо, как древний посох,
Пишу и представляю тут же я,
Что ведь оно должно быть осью,
На которой вращается Земля.
И эту Землю обнимает
Меридианами стихов поэт.
В себя ее он беды принимает,
И для него призванья выше нет!
Вращается Земля под ржание Пегаса,
Мир поэтический – со мной.
Кроме пера – еще в запасе
Быстрые крылья за спиной!

Я тонкой нитью связана с травой,
С деревьями и древними годами,
С ночью и днем, с древними городами,
Которых нет давно – с их памятью живой.

Рукой души во мраке повода —
Ловлю я солнышка лучи-поводья,
И возникает поле-половодье,
Поросшее травинками дождя.

Благодарю судьбу – за дар небес,
И за свою свободу, и за волю.
Пусть будет вечной радостью и болью
Прекрасных дней моих необозримый лес!

Облако тает, тает, тает...
Так же растает жизнь моя.
И все мне в жизни не хватает
Непостоянства бытия.

Все вдаль зовет меня дорога,
Дремотный тяготит уют.
Я жду: вот-вот, еще немного —
И снова ветры запоют!

Буду смотреть в окно вагона,
На все, что радует мой взгляд,
На мир – сверкающий, зеленый,
И сердца струны зазвучат!

Елена Бойченко

Педагог, музыкальный работник, хормейстер. Ветеран труда. Пишет стихи, прозу и мини-рассказы в стихотворной форме. Исполнитель собственных песен. Дипломант регионального фестиваля «Романс у моря», 2015 г. Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город Балтийск. Печатается в периодических изданиях и альманахах организации.

Любимая весна

Пришла моя любимая весна...
Стал день длинней, и ярче светит солнце,
Душа красивых чувств, стихов полна
И песен ярких, словно свет в оконце.
Весной так зеленеет все вокруг!
Запели звонче, веселее птицы,
А в роще зашептались листья вдруг...
Спешу и я в весенний ритм включиться.

Восемнадцатый год был особенным годом —
Годом дивных красот и чудесной погоды.
Было яркое лето, лучше, чем на Канарах,
Очень жарко при этом, как в пустыне Сахара.
Все на море спасались от жары непривычной,
Дети так восхищались морем столь экзотичным.
Не нужна нам Майорка – мы свое море любим,
На красоты Нью-Йорка край менять свой не будем.

Краски осени радуют взгляд,
Ветра нет, и погода на диво,
Штиль на море, зеркальная гладь,
А без волн море очень красиво.
Красота в роще, в парке, в лесу,
Разноцветие красок пленяет...
Я с собою восторг унесу —
Воздух осени так ободряет.
Моя малая Родина
Родилась я в Прохоровке Курской области,
В этом знаменитом соловьином крае,
В незабвенном крае героизма, доблести,
Где над Курскою дугой огонь не угасает.

Ранним свежим утром, на восходе солнца,
Очень здорово и радостно встречать рассвет...
С пением веселым птиц ко мне в оконце

Входит в комнату мою целебный яркий свет.

Помню, засыпала я и просыпалась
Только под чарующие трели соловья,
Как я ими восторгалась, наслаждалась!
Вместе с ними пела, ликовала и душа моя.

Самый главный и ведущий запевала
В хоре птиц, конечно, только курский соловей,
В трелях соловья – любовь и нежность, слава —
Нет на свете голоса и пения милей.

В унисон под радостные эти звуки
Гимн природе тоже я восторженно пою.
От избытка чувств мне, широко раскинув руки,
Крикнуть хочется: «Россия, я тебя люблю!»

Мое море
Я счастлива, что мы живем у моря,
Всем сердцем море и Балтийск люблю!
Иду я к морю с радостью и горем,
С ним каждый миг общения ловлю.
Любуюсь морем я зимой и летом,
И осенью, и раннею весной,
Его прибой звучит во мне сонетом,
И где б я ни была, оно всегда со мной.
Зеркальна гладь морская в тихий вечер,
Слегка волной играет легкий бриз,
Но очень грозно море в сильный ветер —
Подальше от него тогда держись.
Мне ж по душе и волн, и красок буйство,
Я и к такому морю прихожу,
В его экстазе, в рокоте безумства
Я силы, стойкость, волю, радость нахожу.
У моря я с подругами встречаюсь,
У моря песни и стихи пишу,
Закатом вечерами восхищаюсь,
А по утрам зарю встречать спешу.
У моря становлюсь всегда спокойной,
Вбираю чистый воздух, красоту
И уношусь мечтой своей привольной
В ту необъятную морскую широту.
О моём поколении
Много лет по жизни нами пройдено,
Главным было – честно, с пользой жить,
Наш девиз – семья, работа, Родина,
Мы умели малым дорожить.
В годы трудные на свет мы появились,
В детстве нашем – голод и война,
Но смеяться мы не разучились,

Хоть хлебнули горюшка сполна.
Не забыть, как было страшно, трудно
После разрушительной войны,
Но страну отстроить было нужно,
О хорошей жизни так мечтали мы.
В многодетных семьях, чтоб ни делали,
Выживали вообще с трудом,
Дети их, представьте, в школу бегали
До морозов первых босиком.
Одежонка, пара старой обуви
Были в этих семьях на троих,
Хоть и «вкалывали» их родители,
День-деньской стараясь за двоих.
Чтоб спастись от голода от лютого,
В Пруссию завербовались мы,
И из края, в прах войной разбитого,
Сделали цветущий край страны.
Пусть росли мы все в больших лишениях,
Но... Не лилась рекой, как раньше, кровь,
И царили в наших отношениях
Дружба, доверительность, любовь.
«Как же годы мчатся!» – удивляемся,
«Кажется, недавно стали жить»...
Мы, как прежде, жизнью наслаждаемся,
Не перестаем любить, дружить.
Всё нам в жизни дорого и значимо,
Пусть не всё сумели мы свершить,
Но, как свыше Богом предназначено,
Будем каждым мигом дорожить.
Любовь к жизни
Люблю я жизнь во всех ее явлениях,
Не упускаю ни единого мгновения,
Чтоб любоваться морем, солнцем и цветами,
Ведь это всё навечно будет с нами.
Ловлю ромашек чистый, очень нежный взгляд,
Цветы всегда нам так о многом говорят...
Я слышу шепот листьев в роще, шум прибоя.
А в сильный ветер – грозный рокот моря.
И восторгаюсь пением всех милых птичек,
О, как прекрасно все в природе нашей!
Ведь это – наша жизнь, любимая планета,
И хочется, как можно дольше видеть это.

Все дальше в прошлое уходят наши роковые,
Те героические и жестокие сороковые...
Все меньше очевидцев и участников тех лет,
Но в памяти забвения о той войне в России нет.
Великую Победу нашу мы должны оберегать

От всех попыток исказить ее и оболгать.
Щемящей, горькой правдой о войне до слез пропитаны
Все образцы литературы, на которых мы воспитаны.
Как радостно, что молодое поколение и дети
Все больше, с гордостью, участвуют в «Полках Бессмертия!»
Желаю всем я счастья, неба мирного над головой,
Пусть больше никогда не омрачится наша жизнь войной!

Родной город

Смотрю с любовью я на город мой родной,
Любуюсь и горжусь всегда тобой,
Растут в нем новые дома, районы,
Спортивные площадки, стадионы.
Как много стало в нашем городе детей,
Счастливых многодетных матерей!
Дай Бог, чтоб только не было войны,
Нам нужен мир для счастья всей страны.

Николай Бойченко

(07.05.1940 – 03.05.2017)

Почетный Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город Балтийск. Штурман дальнего плавания, капитан. Печатался в периодических изданиях и альманахах организации. В 2018 году, посмертно, вышел сборник Николая Бойченко «Паруса души моей мятежной».

Вдали от Родины любимой
Подолгу я в морях бывал
Вдали от Родины любимой,
Но даже в мыслях не менял
Страны родной, неповторимой.

Как без детей скучал здесь я!
Пишу для них стихи, поэмы...
Со мной всегда мой дом, семья,
И нет на этот счет проблемы.

Внучата все и сыновья
Относятся ко мне с любовью,
И верю, что душа моя
Не встретится с душевной болью.

Любуюсь я по вечерам
Закатом пламенно-красивым
И зорькой алой по утрам,
Такой же, как в моей России.

Из рейса скоро я вернусь
В свой отчий дом родной, любимый,
И всей душой я наслажусь
Страной моей неповторимой.

Дни свиданий вспоминаю
В отчей стороне родимой,
В рейсах душу согреваю
Ласками моей любимой.
Без дороги, через поле
Я иду к своей любимой.
Солнце спряталось в ладонях
Синей ночи. Еле зримо
Впереди избушка светит
Путеводною звездою.
Там, единственная в свете,
Ждет с любовью встреч со мною.

Запою, чтоб слышно было
Впереди до самой речки,
Чтоб соперников знобило
У горящей жарко печки.
Чтобы ты, узнав мой голос,
Мне навстречу поспешила,
Чтобы рожь, склоняя колос,
Колыбелью нам служила.

Воспоминания о малой Родине

(песнь юности)

Отзвенела моя юность колокольчиком,
Поосыпались и кудри лепесточками,
И никто уже не бредит Колей Бойченко,
И никто себя не ищет между строчками.
Отчий дом мне снится часто, как воочию,
Не уснуть от тех воспоминаний ночью.
Ах, какая-то была пора нетленная!
По-особому черёмуха дурманила,
И казалось мне тогда – мала Вселенная,
Перемерянная вся шнурком Гагарина.
А по речке под кустами рыбка плещется,
И у брода в тихих водах окунь шалится,
Даже спяну не могло бы померещиться,
Что парнишка тот с гармошкой расстанется.
Играй, играй, играй, моя гармошечка,
Играй, родимая, играй, ретивая,
Быть может, вдруг откроется заветное окошечко,
И нами зачаруется девчоночка строптивая.

Родная земля

Струи дождя поливают,
Стало так мало тепла,
Птицы на юг улетают,
Осень к нам в гости пришла.
Ветер, деревья качая,
Срывает последний лист,
Ворот плаща поднимая,
Прохожий в укрытие спешит.
К пирсу швартуется судно,
Ржавое, как китобой,
Сходит на берег дружно
Команда веселой гурьбой.
И дождь им совсем не помеха,
Им слякоть – родная, своя,
Шагают все с радостным смехом,

Твердя одно слово: «Земля!»
Не удивляйся, прохожий,
Быть может, тебе не понять,
Что для матроса дороже
Родимой земли не сыскать.
А дождик идет всё сильнее,
Везде уж ручьи бегут,
И хочется им поскорее
На милые лица взглянуть.
Пройдя через все океаны,
Свои и чужие моря,
Я видел различные страны,
Но знал – есть родная Земля.
Земля, по которой гуляют
Любимые люди мои,
Земля, где без нас так скучают,
Где песни поют соловьи...
Земля, что всегда ожидает
Любимых своих из морей,
Моряк же всегда так мечтает
Домой возвратиться скорей.
Россия, твои позывные
Над целой Вселенной летят,
Я к вам, реки, доли родные,
Сыновьей любовью объят.
Мы придем к родным причалам
Снова за кормою шум винта —
Значит, мы опять уходим в море,
Где кругом солёная вода,
Да бушуют ветры на просторе.
Только этим нас не испугать,
И огонь в душе не сбить волнами,
Мы привыкли точный курс держать
Сильными, умелыми руками.
Не грусти, любимая жена,
Мы опять придем к родным причалам.
А пока что за кормой волна,
И на фалах шар на самом малом.

Среди океанских дорог,
За многие долгие лета,
Я Родине верность сберёг,
Не требуя платы за это.

Надежда Борисова

*Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город
Балтийск Ветеран педагогического труда. Печата-ется в альманахах
писательской организации.*

Года идут, берут свое,
А я сопротивляюсь.
Стареть я быстро не хочу —
Зарядкой занимаюсь.

Она поможет мне во всем,
Энергии добавит,
Здоровье, молодость продлит
И тонус повышает!

Улетели мои года
Соловьями прекрасного лета.
Кто похитил их? Суета.
Суета – не обидно ли это?

Вот бы снова начать, но увы...
Не бывает другого повтора,
Не изменит седой головы
Ни местком, никакая контора...

Полина Глинская

*Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город
Балтийск*

Навеяно

Вова – то, что называется, на все руки гож – и художник, и фотограф, и скульптор, и чеканщик – и еще что-то умел. Обычно таким универсалам при всех их достоинствах приходится достаточно трудно в жизни. Творчество не всегда является стабильным источником дохода – не всем же быть Церетели и Басковыми. Поэтому зимой работал Вова в кочегарке. И повадились в эту кочегарку Вовины друзья – фотографы, дабы в экзотической обстановке советской кочегарки на фоне кирпичных, поросших паутиной, стен и пышущих жаром котлов запечатлеть хрупкие женские обнаженные прелести. Вова ради творчества шел на нарушения трудовой дисциплины и техники безопасности, но делал это с умом и осторожно. Но в итоге случился-таки казус.

Впереди было еще двое полноценных суток отдыха, но Палыч решил не терять времени и начал расслабляться непосредственно после дежурства. Средством расслабления послужила пара больших бокалов крепкого пива под копченые крылышки, после которых усталый виртуоз слесарного мастерства задремал, классически, перед телевизором, поклевывая сканворд. В холодильнике мерзли, позванивая в такт, еще две заветные бутылочки. Жена ушла утром на суточное дежурство. Дети уехали в гости к теще. Жизнь была прекрасна...

Из сего блаженного состояния Палыча бесцеремонно выдернуло дребезжание звонка. Он открыл глаза – за окном сумерки, по телевизору суд сменился сериалом, действительно звонили – кто-то настойчиво желал войти.

Соседу понадобился ключ от подвала. А подвал Палыча и соседа находились в общем коридорчике, закрытом железной дверью. Похлопав по карманам куртки, пошарив в прихожей, Палыч расстроил себя и соседа тем, что тот не сможет открыть подвал сию секунду, что придется сбегать в кочегарку и забрать связку из рабочей куртки. Групповое расстройство решили погасить огненной водой, за употреблением коей Палыч убедил соседа, что ключ именно сегодня не нужен, что в подвал можно будет спуститься с утра вдвоем, но за связкой, тем не менее, он пойдет сегодня. С чем умиротворенный сосед пошел домой, а Палыч с неудовольствием оделся и побрел на работу.

В кочегарке шла очередная фотосессия. Сияли лампы. Покачивались в потоках теплого воздуха отражатели и ткани фона. Раскрашенные модели с роскошными невообразимыми сооружениями из их собственных волос, чуть прикрытые прозрачными лентами и бусами, шествовали по цементным полам, зависали на фоне открытых дверок котлов, взбирались на сплетения труб. Щелкали затворы, и вспышки озаряли закопченные своды местного филиала городских теплосетей – рождались шедевры фотографии в стиле ню, изысканные и неповторимые сочетания кошмара городской отопительной системы с красотой женского тела. Интерьеру Вовкиной кочегарки предстояло занять достойное место на обложках дорогих специализированных журналов и стать предметом обсуждения экспертов такой специфической области, как обнаженка.

И тут, во всю эту сказку сунулась небритая, защищенная от близкого контакта перегаром, физиономия Палыча. От увиденного его, будто ураганом, вынесло из дверей и усадило в ближайший сугроб. Бедный слесарь тряс головой и хлопал глазами. Вовка тем временем встал в дверях:

– Ну и чего тебе?

Все еще ошеломленный, слесарь выдохнул:

– Ключи я... Ключи взять... Что это тут у тебя делается, а!?

– Сам не видишь – фотосъемка... Иди, бери свои ключи.

Слесарь поднялся из сугроба, вошел. Свет ослепил его, еще больше ослепляло обилие и красота женского обнаженного тела. Он пытался не смотреть... но глаза сами поднимались от пола – прелестные ноги, бедра, колыхание груди под прозрачной тканью притягивали. Одна из девушек стояла совсем близко, сморщила нос, когда Палыч проходил мимо. Так под тихий смех и любопытные взгляды слесарь прошествовал... до умывальника, вымыл руки и пошел обратно. В дверях его опять встретил Вова:

– Забрал?

– А...! Что!? Что забрал? А, да ключи... Дай куртку мою, куртку...

Вовка принес его куртку, Палыч сгреб ее под мышку и, неожиданно вспомнив, что он старше, а соответственно, умнее и ответственнее, погрозил Вовке пальцем перед носом:

– Ты это, смотри, бордель тут развел... Я расскажу начальнику, да... расскажу.

Вовка хмыкнул, пожал плечами и захлопнул дверь в кочегарку. Сказка исчезла.

Сказать, что Палыч за свои годы голых женщин не видел – видел, конечно. И картинки в журналах, эротика в советском кино в малых дозах выдавалась населению, и нынче дома у него на кабельном канале для взрослых имелся. Только все это как-то более прозаично-физиологически. Слесарь брел домой, в ушах звучал все тот же тихий смех, перед глазами сплетались цветные полосы, как у сына на мониторе, и не покидало ощущение прикосновения к чему-то недостижимо прекрасному, чему у Палыча не находилось цензурного определения.

Бросив куртку в прихожей, Палыч упал на диван в зале, и сон накинудся на утомленный впечатлениями и алкоголем мозг.

Первым слушателем сей невероятной истории стал все тот же сосед по площадке, слушал он вполуха, взял ключ и исчез в недрах подвала. Палыч повествовал об увиденной сказке коллегам и начальству, но те, зная о чрезмерном увлечении Палыча спиртосодержащими жидкостями, не принимали повествование всерьез. Вовка, наблюдая это, посмеивался – он, собственно, и рассчитывал на такой эффект.

Слесарь стал задумчив, часто ходит в магазины бытовой техники и электроники, где замирает у витрин с фотоаппаратами.

В моей душе освободилось место,
Как в гавани – свободный есть причал.
И до того не слишком было тесно,
Но никогда причал не пустовал.
За синим днем придет затейник-вечер,
Плеснет опять мне горечи в вино —
Вот так в игре дурацкой, в чет и нечет,
Наш общий счет сошел на знак «равно».
И светлый горизонт теперь не застит
Наш алый парус, титул твой, моя печаль.
Горит в печи придуманное счастье.
И золото заката льется вдаль.

Смотри – за тенью ноября
День размывается дождями,

Заполнив мониторы снами,
Живем – не грея, не горя.
Смотри – из смайлика и мема
Любовь рождается смешная,
И нам нисколько не мешает,
Что оба выпали из темы...
Смотри – вот мониторы гаснут.
Истает страсть, и смех, и ласка,
Дождь ноября размочит сказку,
И ты забудешь сон неясный.
Райская калитка
Нет у рая врат величавых, я верю.
Лишь калитка, от времен посеревшая, мшистая.
По дорожке садовой душа скользнет в двери,
Петр нальет ей чаю душистого.
В креслах мягких, за круглым столом разговоры ведутся неспешные —
Сколько прожито, как – добрых дел,
Список тут весь, ну, конечно же.
Стукнет полночь.
Вставая, звякнет Петр ключами,
И до места проводит прибывшую – в ее вечный покой,
У окна в лунный сад, в лоно времени застывшего.
Вернувшись, глянет на часы – они покорно стрелки сложат на шести,
С плитки чайник засвистит —
Значит, вновь приоткрылась калитка.

Леонид Глинский

*Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город
Балтийск*

Скоро лето

Дожди и ветры правят миром.
Печально неба полотно.
Тревожно, пасмурно и сыро.
В шесть вечера уже темно.
А утром долго ждать рассвета.
Осенний сплин непобедим.
Но не печальтесь. Скоро лето!
Ещё арбузов поедим.

Вот и зима. Метели кружат.
Сверкнул огнями Новый год.
Простуда. Врач. Таблетки. Стужа.
Сугробы. Иней. Гололёд.
Мир чёрно-бел. Всего два цвета.
И бесконечны холода.
Держись, ребята! Скоро лето.
Ох, и согреемся тогда!

Весна. Во всём её приметы.
Снег тает. Каплет с крыш. Ручьи.
И с каждым днём всё больше света,
Теплее солнышка лучи.
Домой с других концов планеты
Птиц перелётных мчится рать.
А это значит – скоро лето.
Уже совсем недолго ждать.

...И лето может быть холодным.
Не вспомнить, право, сколько раз
Причуды матушки Природы,
Бывало, удивляли нас.
Деревья зеленью одеты.
И пусть холодный дождь с утра...
Какая мелочь! Это ж лето!
Мы дождались его. Ура!!

Вечер

Багряным костром догорает закат.
Вокруг постепенно сгущаются тени.
Как будто в театре закончен антракт.
Свет гаснет, и зрители ждут продолженья.
Раскинется занавес, и до утра —
Волшебное действие на сказочной сцене.

По глади пруда разлилась тишина,
Снимая дневной суеты напряжение.
На зеркале водном небес глубина,
Далёких светил неземное движение.
Скользит золотою пирогой луна,
И смотрятся звёзды в свои отраженья.

Не надо грустить, что уходят года,
Всё чаще усталость ложится на плечи.
Но вдруг просветленье приходит, когда
На землю с небес опускается вечер.
И кажется мне, что так было всегда,
И весь этот мир постоянен и вечен.

Увы. Ничего постоянного нет.
Природа устроена странно и мудро.
И кем-то когда-то оставленный след
Присыплет бессмертного времени пудра...
Закончится ночь. Вновь наступит рассвет.
И кто-нибудь скажет нам:
«Доброе утро.»

Мне приснилось, что на свете нет войны.
Что в весенние цветы земля одета.
И среди цветов и мирной тишины
Только в мирные играют игры дети.

Мне приснилось, что уже давным-давно
Уничтожены все бомбы и все пушки.
И оружие везде запрещено,
Переплавлено на детские игрушки.

Мне приснилось, что войны на свете нет.
Что людьми давно забыто слово «горе».
Что живут они по много-много лет,
И на крик не переходят даже в споре.

Нет ни страха, ни болезней, ни вражды.
И по всей земле открыты все границы.

Небеса светлы, прозрачны и чисты,
И поют о красоте певцы и птицы.

Мне приснилось, что на свете нет войны.
Что все люди на земле живут, как братья.
Если кто-нибудь страдает – от любви,
Если плачет – то от радости и счастья.

И среди цветов и мирной тишины
Только в мирные играют игры дети.
Я хочу, чтоб больше не было войны,
Больше не было войны на белом свете.

Человеческое Тепло

Как черепаха,
в защитный панцирь одет любой.
Мир так жесток, жизнь хрупка —
её легко переломить.
Но пока на земле
существует Любовь,
мы
остаёмся
людьми.

И сквозь броню и бетон,
сквозь толщу воды и льда,
сквозь дым забвения,
сквозь лобовое стекло
каждый из нас на себе
ощущает всегда
Человеческое Тепло.

Каждое утро
выходим из дому, как на бой.
Бескомпромиссна борьба
Добра и Зла, Правды и Лжи.
Но, пока на земле
существует Любовь,
не прекращается
Жизнь!

Снова летишь под откос,
да так, что уже не встать.
Шумно пирует победу
всесильное Зло...
Новые силы даёт,
чтоб подняться опять,
Человеческое Тепло.

Минута молчания
Трепещет пламя вечного огня
На мраморном подножье обелиска.
И имена, застывшие в камнях,
Багряным эхом озаряют блики.

В них кровь, огонь и слёзы той войны.
Подумать страшно: что бы стало с нами?
Помянем же минутой тишины
Тех, кто лежит под этими камнями.

Лежат бойцы. На всех одна судьба,
Одна могила и одно надгробье,
Одна Земля и Родина одна.
Их тысячи, и все они – герои.

Они познали цену слова Мир,
Но так и не дожили до Победы.
Они погибли, чтобы жили мы.
И мы не вправе забывать об этом.

Уже давно окончилась война.
В груди земной зарубцевались раны.
Всю чашу горя выпила страна,
Но победила в схватке той кровавой.

Прислушайтесь к звенящей тишине,
Что окружает братские могилы.
Мы вечно будем помнить о войне,
Чтоб никогда война не повторилась.

Ночь синие чернила разлила
по мудрому, как время, небосводу,
озёра превратила в зеркала
и жёлтый месяц окунула в воду,
дорожку соткала из серебра
и блёстками осыпала берёзы...
А над моим окошком до утра,
кружась, водили хороводы звёзды.

В час, когда от забот,
от тревог и от бед ты устанешь,
и зальёт темнотой
ночь унылый пейзаж за окном,
синей птицей осенних ветров,
после долгих скитаний,
я к тебе прилечу

и бесшумно овею крылом.

Соберу весь огонь
своего раскалённого сердца.
И камин растоплю,
чтобы душу твою обогреть.
Запылают дрова,
и весёлого пламени скерцо,
озарив полумрак,
затрещит на еловой коре.

От невзгод и от бед
я тебя своим телом прикрою,
чтоб, хотя б ненадолго,
пахнуло дыханьем весны.
Отведу твои беды,
и душу твою успокою.
Пусть приходят к тебе
только самые светлые сны.

Расскажу о весне,
о любви, о разбуженном лесе,
как друг к другу спешат,
но не могут дойти берега.
Я тебе напою
свои самые лучшие песни,
и спокойный твой сон
до утра буду оберегать.

А когда кинет утро
на землю свой взор беспечальный —
снова выпорхну в небо,
лишь только откроешь глаза.
Приглядишь, и однажды,
быть может, увидишь случайно,
как мелькнут мои крылья,
вспоров и сомкнув небеса.

Хвори всё экзотичней.
Любой раздражает пустяк.
Годы ласково тянут ко дну,
и приходит, порой, понимание:
если юные женщины вдруг
на меня обращают внимание,
это значит – в одежде моей
что-то явно не так.
Белое
Белые снежинки —

белая вода.
Белая дорога
в белые года.
Солнце побелело
в белых облаках.
Белое на белом —
иней на висках.
В белом медсанбате —
белая сестра.
В белом маскхалате —

Чёрная дыра

Гимн Калининградской области

От Куршских дюн до Виштынецкой сини,
От Немана до польских рубежей,
Раскинулся янтарный край России,
Как часть великой Родины моей.

Здесь волны на песок янтарь роняют,
Здесь в соснах ветры Балтики шумят.
Суда и корабли тепло встречает
Из дальних странствий порт Калининград.

Янтарный край,
цвети под небом синим!
Пусть небеса хранят наш общий дом!
Янтарный край —
жемчужина России,
Природой славен и людским трудом.

Рождённая в победном сорок пятом,
Вставала область из руин войны,
На землях, бывших Пруссией когда-то,
Трудом людей со всех концов страны.

Мы люди разных взглядов, вер и наций,
Но, между нами, в жизни нет преград,
Ведь все мы, как один, — калининградцы,
И лучший город — наш Калининград.

Янтарный край,
цвети под небом синим!
Пусть небеса хранят наш общий дом!
Янтарный край —
жемчужина России,
Природой славен и людским трудом.

Всегда в работе труженики-порты.
Уходят рыбаки в морскую даль.
Встречают отдыхающих курорты.
А в недрах – нефть и солнечный янтарь.

От Куршских дюн до Виштынецкой сини,
От Немана до польских рубежей,
Пусть славится янтарный край России,
Как часть великой Родины моей.

Светлана Дружинина (Шулешова)

*Член совета Литературного объединения «Остров вдохновения»
город Балтийск, инженер, пишет стихи и песни, автор поэтического
сборника «Робинзон», сборника стихов и сценариев «Ощущение полёта»,
альбома песен «Улетаю – таю».*

Земланд

От замка древнего Лохштедт
До Фриш-Нерунг земли
Под ветром пенят паруса
Большие корабли.
Вот поднят невод из глубин,
Он полон серебра —
В огне рыбацкого костра
Сияет, как мираж.

Стекает бархатный песок
С ползущих к морю дюн,
Румяной облепихи сок
В бочонке бродит, юн,
А я с ловцами янтаря
Плыву в полночный час —
Тевтонских рыцарей мечи
Подстерегают нас.

В какой стране, в каком краю
Сегодня я живу?
Быть может, сон, а может, явь,
Иль грёзы наяву?
За острыми зубцами крыш
Янтарная Луна
Янтарной кошкой ловит мышь
Янтарную в волнах.

Нам Витланд – аистов страна —
Даёт и стол, и кров,
Нам дарят пьяные шторма
Букеты «роз ветров».
Лети, мой аист, над землёй,
Её благословляй!
О, Земланд, Пруссия моя,
Неповторимый край!

Все дожди России

(посвящается фестивалю «Балтийская Ухана»)

Когда, взмахнув крылом летучим,
Костёр взовьётся над землёй,
На горизонте солнца лучик
Блеснёт зелёною звездой.

Так значит, будет снова лето,
С друзьями встречи впереди,
И если доверять приметам,
То обойдут нас все дожди.

Но знает тот, кто был и не был:
Так повелось из года в год —
От песен распухает небо,
И над поляной дождь идёт.

Задует ветер с новой силой,
И туч обрушится стена,
Как будто все дожди России
Слетелись этим летом к нам.

Но стихнет шторм,
и дождь прольётся,
Оставив на песке следы —
Янтарно-золотые солнца,
Омытые струёй воды.

И зазвонят гитары круче,
Струну заветную найдя,
Но небо вновь затянут тучи,
До края полные дождя.

Мои друзья, так будем вместе!
Бросайте всё, и поскорей
Спешите в край гитар и песен,
Край аистов и край дождей.

Зарницы струн зигзагом синим
Расколют небо пополам,
Как будто все дожди России
Слетелись этим летом к нам.

Я ещё приеду

Мы живём, утрат не считая,
В круговерти пустой суеты,
Постепенно надежды теряем,
Предаем потихоньку мечты.
Сапогами топчем рассветы,
Тьму пустых произносим слов...
Ах, вернуться бы обратно в лето,
В Лукоморье сказочных снов,

Где крылатые кони мчали
Колесницы в Звёздном огне,
Где с пустующего причала
Каждый камешек виден на дне,
Где у входа на рейд исполины,
Подставляя ветрам бока,
Заколдованные равелины,
Словно рыцари, спят в веках.

Там на пристани, на Телефонной,
Телефона в помине нет,
А над Южной бухтою сонной
Белым росчерком чайки след.
Мне судьбы поворот неведом,
Только знаю, как дважды два:
Я приеду, я ещё приеду,
Лишь бы мама была жива.

Не проездом и очень скоро
В Лукоморье, в милом краю,
У Владимирского собора
Я в молчании постою.
Ведь из детства усвоено прочно,
И дошли мы своей головой,
Что это самая главная точка
Географии мировой.

В полуслове прерву беседу,
Как молитва прозвучат слова:
Я приеду, я ещё приеду —
Лишь бы мама была жива.
Может, завтра, а может, в среду
Соберу в поход корабли.
Я приеду, я ещё приеду
В белый город на край земли.

Андрей Дударь

*Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город
Балтийск. Проживает в Смоленске.*

Это просто счастье —
Быть с тобою рядом.
Даже не рукою —
Прикасаюсь взглядом.
В теплые ладони
Я уткнусь щекою.
И своей улыбки
От тебя не скрою.
Милая, родная.
Даже слов не надо.
Ты одна такая,
Ты моя отрада.
Словно риф гитары,
Сплетены мы ладом.
Это просто счастье —
Быть с тобою рядом.
Имена любимой
Я своей любимой знаю
Множество имён.
Но не знаю, как сегодня.
Назову её.

Если вижу я улыбку,
Глаз сиянья свет,
То скажу ей без сомненья:
Солнышко, привет!

Если ласково мурлычет,
Радость не тая,
Обнимая, прошепчу ей:
Кисонька моя.

Ну а если загрустила,
Тишина в ответ,
Я скажу ей нежно-нежно:
Рыбонька, привет.

Иногда порой за дело
Критикой кольнёшь.
Всё равно тебя люблю я,
Мой хороший ёж.

А когда прищуря глазки,
Прячешь хитрый взгляд,
Значит скоро будут сказки,
Лисонька моя.

Я имён любимой знаю —
Всех не сосчитать.
Но придумал, как сегодня
Буду величать.

Назову тебя наградой,
Сладкий мой щербет.
Лишь бы вместе, лишь бы рядом.
Вот и весь секрет!
Сосны
За поворотом пыльный град остался.
Теперь на волю вырвалась душа.
В вершинах сосен ветер заплутался.
Как шаль, скользя по веткам не спеша.

Я сам себе негаданно признаюсь:
Не видел я красивее пока.
Вершины сосен в небо упираясь,
Рисуют акварелью облака.

В палитре новым цветом растворяюсь
И бабочкой взлетаю я с цветка.
Вершины сосен, медленно качаясь,
Баюкают под птичьи голоса.

Смотрю на лес и вдруг в ответном взоре,
Как будто кожей чувствую своей:
Вершины сосен, словно бы в дозоре,
Хранят секреты леса от людей.

Дышу, сосновым мёдом наслаждаясь.
Я пью его смакуя, не спеша.
В вершинах сосен эхом отзываясь,
Парит моя счастливая душа!

Осень пахнет дождём и грибами,
Осень пахнет всегда послелетием.
Между знойной жарой и снегами
Затерялась она междометием.

Я люблю её яркие линии,
Пусть со временем краски размоются,

Словно фото из детства счастливого,
Пожелтеет и снегом укроется.

Это позже, а ныне салютом
Вспыхнут листья, ветрами ласкаемы.
Вместе с ними летаем как будто,
Словно дети, о всём забываем мы.

Осень пахнет дождём и грибами,
Осень пахнет всегда послелетием,
Между знойной жарой и снегами
Затерялась она междометием.

Лидия Ерохина

*Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город
Балтийск. Печатается в альманахах организации.*

Русская женщина

Русская женщина, как ты красива!
Как же походка твоя горделива!
И не сгибает тебя даже горе,
Всюду успеешь ты – дома и в поле.
Деток своих обошьёшь, обстираешь,
Кашей насытишь их и поиграешь.
Мужа ты встретишь с работы, накормишь
Вкусным обедом, компотом напоишь.
Ласковым словом друзей обогреешь,
Слабым поможешь, сирот пожалеешь.
В доме твоём всё так чисто, опрятно,
И приходить к тебе в гости приятно.
Ты не скупись на угощенья:
Торт испечёшь и предложишь варенье,
Чай ароматный по чашкам нальёшь
И душевные песни споёшь.
Голос твой чист, и красив, и протяжен,
И неземною он силой заряжен,
Смеяться и плакать он заставляет.
Как успеваешь всё, всех удивляет!
Неутомима в трудах ты своих,
Работаешь всюду всегда за двоих.
Позднею ночью ложишься в кровать.
Благословенна будь, русская Мать!

Россия

В золотистых лучах раскалённого солнца
Ты идёшь по земле, где колышется рожь.
И закинув назад свои длинные косы,
Чистым голосом звонкую песню поёшь.

В этой песне ты славимь родную Россию,
Что взрастила тебя у себя на груди.
Подарила просторы и рощи лесные.
И с любовью сказала: «Смелее по жизни иди».

Русь родная моя, мы зовём тебя матерью милой,
Все мы дети твои, пред тобою в долгу.
До последнего вздоха, куда бы судьба ни носила,

Светлый образ твой в сердце своём навсегда сберегу.

Русь

Русь святая моя! Как душа твоя плачет и стонет!
Нашу землю топтали татаро-монгольские кони.
Сыновей, дочерей уводили в далёкие степи,
Заковав руки-ноги в железные цепи.

Всё стерпела ты, Русь: распри русских князей,
Голод, слёзы, разруху и гибель твоих сыновей.
Тех, которых когда-то на коленях с любовью качала,
Нежно к сердцу прижав, их глаза целовала.

Годы шли, и века пронесли над твоей головою,
Запылала ты вновь и сразилась с немецкой ордою.
Вновь в той страшной войне ты детей хоронила,
И, от горя седая, рыдала на братских могилах.

Отгремела война, и ты вновь возродилась.
На просторах твоих снова рожь колосилась.
Золотая пшеница в пояс кланялась низко.
Вновь сады расцвели, счастье было так близко.

И, согретые дружбой, люди мирно трудились.
Всё ушло. И распался Союз тех республик свободных,
Что сплотила ты, Русь, на долгие годы...
Позабывши о братстве, разобщились народы.
Запылал весь Кавказ, в Лету канули годы.

И твои сыновья, ты которых взрастила,
Защищая тебя, вновь ложатся в могилы.
Много юных калек, кто без рук, кто в колясках,
Побираясь, сидят, не мечтая о счастье.
И с надеждой глядят на людей, что, зевая,
Равнодушно спешат, ничего не давая.

День проходит за днём, годы мчатся рекою,
Этим бедным парням не дожидаться покоя.
Видно, выпало им незавидное «счастье»:
Одиноко сидеть и в жару, и в ненастье.
Позабыла ты, Русь, сыновей своих верных.
Загляни им в глаза – может, дрогнули б нервы?!

Вдовы России

Прекрасные женщины, вдовы России,
С надеждою ждёте любимых домой.
А женское счастье и смех ребятишек

Давно сметены уж жестокой войной.

Трудились вы днями, ночами холодными
На благо любимой страны.
И ждали вас дома детишки голодные,
Их глазки печальны, слезами полны.

А ты же без сна и в безмерной усталости
Детей на колени возьмёшь,
Обнимешь их плечи руками усталыми
И грустные песни поёшь.

Терпите, родные, война скоро кончится,
Настанут счастливые дни,
Тогда поедите вы, сколько захочется.
Наш папа воюет, пока мы одни.

Вас мало осталось, прекрасные женщины,
И ваши виски серебрят седина.
Морщины глубокие, будто бы трещины —
Во всём виновата война.

Святые мадонны – российские женщины —
Безмерно трудились в суровые дни.
Живут они все по наказам завещанным.
Поклонимся ж всем им до самой земли!

Моя Россия

Я люблю милый образ России.
Надо мною небес синева.
На полях рдеют красные маки,
На лугах пахнет мятой трава.

Я люблюсь простором широким,
От морей и до белых берёз.
Ветер тучами солнце закроет —
Плачет небо дождинками слёз.

Здесь ковыль серебрится, как море,
Босиком по траве пробегу.
Как же дышится здесь на просторе,
На зелёном душистом лугу!

Там, где солнце садится за морем,
И по небу заката штрихи,
Вижу мир я с прекрасной Россией,
И о ней я слагаю стихи.

Бабушка и внучок
Октябрь золотит берёзу за окном,
А в небе табуняются облака,
И мелкий дождик сеет.
На сердце грусть и неуёмная тоска,

Лишь ласковый внучок мне душу греет.
Меня обнимет, скажет: «Не грусти,
Ну, улыбнись скорей, бабуля,
Шалость мне прости!

Ты подожди, вот дождичек пройдёт,
А ветер в небе облака разгонит,
Разъяснится погода, грусть уйдёт,
И солнышко на землю лучик золотой уронит.

Пойдём скорее в парк гулять со мной,
Осенние листочки соберём в букетик.
Постой, идти устала? Не спеши,
Присядь и отдохни.
Тебе я помогу. Дай руку мне, иди!
Люблю тебя, ты лучше всех на свете!».

Николай Жуков

Капитан 2 ранга запаса, учитель ОБЖ высшей квалификационной категории. Член Литературного объединения «Остров вдохновения» город Балтийск. Лауреат областного литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт», лауреат V областного литературного конкурса «За далью – даль». Дипломант международной литературной премии «Славянское слово» имени Василия Шукшина. Дипломант межрегионального литературного конкурса маринистики имени К. С. Бадигина. Автор сборника очерков и рассказов «Следую своим курсом» (2019). Печатается в альманахах организации и в периодических изданиях.

Первый прыжок

В часть военно-транспортной авиации Балтийского флота, что в поселке Храброво, туда, где должны были проводиться парашютно-десантные сборы, разведчики морской пехоты пошли взводными группами пешим маршем, без сухого пайка, но с оружием и по полной выкладке, соблюдая все правила скрытности и маскировки. Периодически в контрольных точках их встречал командир развед-десантной роты на своем БРДМе (боевой разведывательно-дозорной машине), давая возможность изжарить на костре заячье мясо, которое он раздобыл недавно на охоте, проезжая через полигон Хмелевка. Времени на прием пищи давалось совсем мало. Бойцы успевали только слегка обжарить зайчатину, а ели ее уже на ходу! Уставшие и изможденные, преодолевшие более пятидесяти километров, моряки, наконец-то, прибыли к авиаторам. На ужине в летной столовой, благодаря чертовской усталости, многие есть просто не стали, потому что не было аппетита и физических сил! А некоторые из морпехов начали засыпать прямо за столом.

Автобус «Балтийск – Калининград», плавно покачиваясь, ехал по шоссе. Вдоль дороги мелькали деревья с белыми широкими полосами на боках. Лес чередовался с рощами и полями, за которыми быстро за горизонт склонялось красно-оранжевое солнце. Гвардии лейтенант Баранов с радостью в сердце смотрел в окно. Наконец-то реализуется его давняя юношеская мечта, и он совершит свой первый прыжок с парашютом!

В памяти офицера стали всплывать эпизоды курсантской жизни. Вспомнился отъезд из родной части морской пехоты в Киев для поступления в высшее военно-морское политическое училище. Особой строкой отложился учебный лагерь, который уютно располагался посреди густого корабельного соснового леса, как раз недалеко от Киевского моря и легендарного Лютежского плацдарма. Вспомнилась небольшая база плав-средств, где курсанты ходили на ялах и после каждой физзарядки купались в Днепре. Перед его глазами вновь предстал исторический Андреевский спуск, с выложенной вековыми камнями брусчаткой, по которой, порой опаздывая из увольнения, ускоренным бегом возвращался в вестибюль училищного клуба, где их, курсантов, для доклада с нетерпением ожидали дежурные по роте и ее командиры. Представилась и величаво воздушная, красивейшая из всех киевских храмов, Андреевская церковь, блистающая днем на солнце су-сальным золотом куполов и прекрасно подсвечиваемая ночью мощными прожекторами. А вот и причудливый своими средневековыми формами дом «Ричарда Львиное Сердце», на фоне которого снимались эпизоды многих фильмов, одним из которых был и «Адъютант его превосходительства». А вот и пахнущие стариной дореволюционные двухэтажные домики с мемориальными досками в память о людях, когда-то проживавших в их стенах. Одна из них была посвящена какому-то революционеру по имени

Ладо Кецховели, а другая – знаменитому доктору, писателю, автору «Мастера и Маргариты» и «Белой гвардии», Михаилу Булгакову. Примыкающие к спуску улочки, узнаваемые по эпизодам из былых художественных кинокартин, приятно будоражили память.

А вот и учебный городок училища с бюстом Ильича на строевом плацу. Между собой курсанты из уст в уста передавали легенду о гетмане Запорожского войска Петре Сагайдачном, который был основателем знаменитой Киево-Могилянской академии, в стенах которой начинал учиться и великий русский ученый Михаил Ломоносов, а ныне находилось их родное училище. А где-то там же, под асфальтом плаца, была скрыта позабытая всеми могила самого гетмана.

Первый учебный корпус вспоминался своей поточной аудиторией №217, где некоторые курсанты успевали и прослушать лекции, и отлично выспаться. В памяти Валерия возник легендарный боковой училищный коридор с уходящей вниз старинной железной лестницей, каждая ступенька которой была промаркирована неизвестным дореволюционным мастером именем некоего Доната Липковского, возможно его самого. Валерию сразу же захотелось рассказать сидящему рядом пассажиру знаменитую училищную байку-анекдот о ветреном курсанте разгильдяе, соблазнившем неизвестную киевскую красавицу. И тогда ее разгневанная мать потребовала у начальника политического отдела срочно женить прелюбодея на ее дочери. В ответ на это контр-адмирал задал встречный вопрос об имени и фамилии виновника, на который мать уверенно и с пафосом ответила, что это никто иной, как курсант Донат Липковский! После чего НачПО привел ее на ту самую лестницу и, указав на те самые ступеньки, порекомендовал выбрать любую, которая понравится ей и ее дочери.

Сегодня, перед самой поездкой в Храброво, Валерий выпил две чашки горячего растворимого кофе, изготовленного на сахарном заводе в городе Лиепая, и его память, как никогда, предельно обострилась. Вспомнились подробности последнего государственного выпускного экзамена по навигации. Он до цифр вспомнил всю прокладку курса и маневров своего корабля, все записи на страницах навигационного журнала. Но тогда им по невнимательности была допущена грубейшая ошибка, которая поставила всю государственную комиссию в сложное положение: как быть с партийным секретарем роты, результат работы которого был неудовлетворительным! Пожалели и поставили в диплом единственную тройку, о которой Валерий Баранов всегда вспоминал очень болезненно.

На автовокзале в Калининграде гвардии лейтенант пересел на автобус, идущий в аэропорт Храброво. Ему оставалось только вовремя попросить водителя остановиться на нужном перекрестке дорог и пешком дойти до самого поселка и находившейся в нем авиационной части. Именно там начинались воздушно-десантные сборы у подразделений третьего десантно-штурмового батальона морской пехоты и развед-десантной роты разведывательного батальона бригады. За окном мелькали достопримечательности Калининграда, а за его границами – все те же старые деревья, окаймляющие шоссе с обеих сторон. Жители метко, но с горькой иронией, называли их солдатами вермахта. Дело в том, что росли они вдоль местных дорог так часто, что у автомобилистов, попавших в дорожно-транспортное происшествие, почти не оставалось шансов проскочить между стволами.

А чего только стоило гвардии лейтенанту добиться разрешения комбата на участие в этих сборах! Несколько обращений были категорически отвергнуты в связи с профессиональными задачами политработника. Но настойчивость молодого офицера все-таки сумела «взять город». И через некоторое время гвардии майор Курбанов все-таки дал отмашку.

Шагавшему по дороге к поселку Валерию почему-то вспомнился образ главного героя фильма «В зоне особого внимания», командира разведвзвода ВДВ (воздушно-десантных войск) гвардии лейтенанта Тарасова, и в ушах зазвенела песня «... мы служим в десантных, продуваемых всеми ветрами войсках!» Душа молодого офицера морской пехоты радовалась и ликовала, а десантная строевая плавно перелилась в лирическую песню о дельтаплане,

в исполнении Валерия Леонтьева. И вот гвардии лейтенанту уже кажется, что он парит в облаках, любуясь земными красотами!

Каждый день подготовки к прыжкам морпехи занимались укладкой парашютов, наземной предпрыжковой подготовкой, по ночам практически совершенствовали тактику разведподразделений. Гвардии лейтенант Баранов, прибывший в Храброво лишь через двое суток после начала сборов, в тренировках участвовал наравне с личным составом. Сначала командир третьего батальона попытался сделать его вечным дежурным по сборам, но против этого решения резко высказался командир развед-десантной роты гвардии капитан Михайлов, разъяснив комбату, для чего в Храброво прибыл офицер управления разведбата. После этого, по приказанию гвардии капитана, с Барановым стал персонально заниматься заместитель командира взвода специальной разведки гвардии сержант Анатолий Близнюк. Он-то и обучил молодого офицера многим премудростям парашютного дела. Зачеты у лейтенанта принял лично командир второго взвода специальной разведки, умудренный и многоопытный в парашютном деле, гвардии старший лейтенант Сергей Примаков.

Баранов хорошо подготовился к совершению первого в своей жизни прыжка. Но выполнит его Валерий, впервые ощутив свободное падение, только через два месяца. И только тогда он почувствует себя настоящим десантником, из тех самых «продуваемых всеми ветрами войск». К несчастью, в этот раз прыжки были отложены, а сборы отменены, потому что целую неделю скорость ветра и низкая облачность превышали все допустимые нормы!

На очередном рабочем совещании, которое, как всегда, проводилось в разведбате в пятницу, убедительно выступили новый начальник штаба и стареющий замполит, по-деловому высказался усатый зампотех, о чем-то проблеял худосочный заместитель по снабжению. И как всегда, твердо и убедительно подвел главный итог сам командир батальона:

– В воскресенье вся бригада морской пехоты участвует в кроссе на десять километров. Мы, вместе с танкистами и артиллеристами, бежим по своей трассе, которая будет обозначена на местности флажками. Начнется она от новой казармы и сначала будет петлять по лесу, а потом проляжет по дюнам в сторону Балтийска, затем развернется вспять и завершится на огневом городке нашей части, где все участники забега отстреляют учебное упражнение из автомата. Понятно!? Подразделения бегут под руководством своих командиров. Я буду ждать всех вас на финише. Да, совсем забыл, во главе взвода обеспечения побежит секретарь комитета ВЛКСМ батальона гвардии лейтенант Баранов, он ведет во взводе политические занятия, хорошо знаком личному составу. Считаю, что заместитель командира батальона по снабжению старший лейтенант Шатилов не способен выполнить эту задачу!

Баранов прибыл в часть в августе. В штабе Балтийского Флота он встретился с начальником отдела кадров политуправления. Капитан 1 ранга рассказал ему об обстановке на флоте и подтвердил правильность выбора офицера, вернувшегося после училища на Балтику.

Именно он направил Валерия для дальнейшего прохождения службы в распоряжение начальника политического отдела бригады морской пехоты.

– Пойдешь служить во второй батальон морской пехоты замполитом роты, а потом посмотрим, а твой разведбат подождет! – сурово сообщил гвардии лейтенанту представительный гвардии подполковник.

Валерий знал, что каждый прибывающий на службу молодой лейтенант обязан представиться комбригу и всем его заместителям. И поэтому сразу же после посещения кабинета сурового начальника политотдела он уверенно пошел прямо к начальнику штаба, который раньше в бытность его срочной службы был начальником штаба полка и знал нашего гвардии лейтенанта еще как матроса и сержанта.

– Разрешите войти, товарищ гвардии подполковник! – произнес Валерий.

– Входи,ходи, Баранов! Решил вернуться в бригаду, молодец, хвалю! – произнес НШ бригады, слегка оторвавшись от каких-то очевидно важных документов, лежавших на его столе.

– Какие планы на жизнь и службу, гвардии лейтенант? Куда хочешь попасть служить?

Недолго думая и нисколько не покривив душой, Валерий сходу выпалил:

– Хочу снова попасть в разведку, товарищ гвардии подполковник! Под знамена начальника штаба бригады!

Шерегеда внимательно посмотрел ему в глаза, и произнес:

– А что мешает?

– У начальника политотдела на меня совсем другие планы, – с горечью в голосе произнес Валерий.

– Ну, не переживай, чем смогу, тем помогу, – загадочно улыбаясь, ответил гвардии подполковник.

Через трое суток, уже после участия в боевых стрельбах второго батальона морской пехоты на полигоне Хмелевка, Баранова вызвал к себе главный политработник соединения и раздраженно произнес:

– Ну, что Баранов, ты все-таки добился своего! Ну, что же, иди служить в свой разведбат!

Валерию сразу же вспомнились слова начальника штаба «чем смогу, тем помогу!», и он мысленно сердечно поблагодарил гвардии подполковника за оказанную помощь.

В военном городке поселка Мечниково, где располагались танковый, разведывательный батальоны и вся артиллерия морской пехоты, пошли слухи о том, что вновь прибывший комсомолец разведбата «свой». Он раньше проходил срочную службу здесь же, тогда еще во взводе разведки полка. Его знали многие прапорщики и офицеры-танкисты, они-то и вспоминали, что в батальон Валерий пришел служить еще матросом, а в училище ушел сержантом, будучи сначала заряжающим, а потом командиром плавающего танка. Некоторые поговаривали о том, что Баранов был то ли самбистом, то ли борцом классического стиля и физподготовку всегда сдавал только на отлично, да и к своим служебным обязанностям относился добросовестно. В курилке военного городка, канцеляриях батальонов и рот старожилы и молодежь высказывали мнение о том, что служба гвардии лейтенанта в морской пехоте БФ должна сложиться удачно.

Взвод обеспечения ОРБ (отдельного разведбатальона) был подразделением проблемным. Туда списывали бойцов по здоровью, травмированных на прыжках, а также нарушителей воинской дисциплины. И вообще, каждый снабженец был «сам себе режиссер». Один являлся водителем автомобиля комбата, другой батальонного грузовика ГАЗ-66, третий писарем, четвертый каптерщиком (заведующим вещевой кладовой). Короче говоря, сборная солянка, которая уверенно занимала самое последнее место в социалистическом соревновании части.

Предложение комбата пробежаться гвардии лейтенанта Баранова особо не расстроило. В училище он, серьезно занимаясь спортом, постоянно совершенствовал свою борцовскую выносливость и каждое божье утро совершал марш-броски по Киевским горам. Самый трудный этап бега начинался от подножия мраморной лестницы, спускавшейся сверху от Владимирской Горки до днепровской набережной. Интересным фактом было то, что по легенде лестница, построенная еще в девятнадцатом веке в честь присвоения городу Киеву Магдебургского права, проходила по тому самому пути, по которому князь Владимир направил киевлян для крещения в Днепре. Беговую выносливость Валерий развил до первого спортивного разряда и сейчас, после распоряжения комбата, решил пробежать дистанцию в полном силе, особо не напрягаясь, в память о своем спортивном прошлом.

Надев куртку от танкового комбинезона и став во главе группы снабженцев, Баранов дожидался отмашки судьи. Первыми бежали моряки роты средних танков, за ней пошла вторая рота плавающих танков, третьей – развед-десантная рота. Снабженцы бежали четвертыми.

Свой бег Валерий строил тактически и технически грамотно, как учили тренера и преподаватели легкой атлетики в физкультурном техникуме, где он учился до призыва на службу. Экономил силы на спусках, делая большие шаги, ритмично работал руками и ногами на подъемах, стараясь делать полный выдох и вдох. На успешное выступление в кроссе личного состава взвода он не рассчитывал. Ему казалось, что старослужащие матросы сильно напрягаться не станут и просто сойдут с дистанции. Но, как показало время и результат – этого не произошло. Сначала гвардии лейтенант заметил, как обошел разведчиков, потом догнал бойцов второй роты плавающих танков и постепенно начал обходить середняков (рота средних танков).

Два самых первых, готовящихся к финишу, танкиста бежали не торопясь, спокойно и уверенно. Они шли рядом друг с другом, предвкушая сладость победы. Но к своему удивлению, вдруг услышали стук кожаных подошв офицерских сапог и с недоумением обернулись. На приличной скорости их обходил реальный претендент на победу. Им оказался секретарь комитета комсомола разведбата.

Прежде чем финишировать, Баранов услышал негодующий окрик комбата:

– Лейтенант, где личный состав?

Стоявшие рядом с майором Курбановым командиры танкового батальона и артиллерийских дивизионов дружно порекомендовали комбату разведбата Баранова не задерживать, пускай лейтенант покажет результат! А тут, о чудо, вслед за офицером подтянулись и моряки снабженцы. Наверное, им захотелось не ударить в грязь лицом и не отстать от своего лидера. К огневому городку подбежали все старослужащие, показав самое лучшее время в бригаде. Но подвели два молодых матроса, которые «сдохли» еще по дороге в лесу. Позже, неформальный лидер взвода, готовящийся к весеннему увольнению в запас матрос Никишов, подойдет к гвардии лейтенанту и выскажет общее мнение снабженцев:

– Ташан (товарищ гвардии лейтенант)! Выражаем вам наш респект-уважение! Сказать по правде, мы не ожидали от вас такой прыти. И в знак благодарности за то, что взвод поверил в свои силы, почувствовал себя достойно среди подразделений бригады, мы обязуемся уважать вас и дальше, а если когда-нибудь возникнут проблемы, обращайтесь, не стеснясь, всегда поможем и выручим, чего бы нам это ни стоило!

Это откровение матроса стало для Валерия полной неожиданностью, своеобразной оценкой всей его лейтенантской работы во взводе, отношений Баранова с моряками. Хотя на этом десятикилометровом кроссе взвод и не вошел в число бригадных лидеров, по вине тех самых молодых матросов, но к офицеру стали относиться совершенно по-другому. А старший лейтенант Шатилов, подойдя к Валерию, смущаясь, пожал ему руку и сдержанно поблагодарил.

Уже на следующий день гвардии майор Курбанов вызвал батальонного комсомольца к себе.

– Товарищ гвардии лейтенант, клуб части – заведование разведбата, и его необходимо довести до ума! Нужно найти металлические трубы и подготовить к установке механизм закрытия занавеса на сцене, – четко и понятно, по-военному произнес он.

– А где же мне их взять, товарищ гвардии майор? – в свою очередь спросил молодой офицер.

– Это твоя забота, лейтенант. Приказание не обсуждается, а выполняется, ты в курсе!?

Баранов приказ понял, но где можно было найти необходимые трубы, он представить себе не мог. После получения в феврале повторного напоминания по установке механизма, Валерий просто начал падать духом. Где брать, и искать эти проклятые трубы!? А тут, еще как на грех, командир развед-десантной роты вновь пригласил его поехать с ними на прыжки. Что делать? Узнав причину сомнений лейтенанта, Михайлов посоветовал «не брать дурного в голову» и все же рискнуть, поехав вместе с разведчиками в Храброво. И он объяснил ему, что невыполнение приказа комбата – нарушение, конечно, серьезное, но желание совершить

свой первый в жизни прыжок с парашютом должно быть сильнее страха перед командирским взысканием. И гвардии лейтенант решил последовать совету бывалого командира роты.

Военно-транспортный самолет АН-26, вздрогнув, остановился перед строем морпехов. Рампа поползла вниз. По команде инструкторов морские пехотинцы быстро разобрали свои парашюты, они торопливо застегивали ножные и грудные обхваты, прилаживали запасные парашюты и стропорезы к ним. В данной ситуации роль стропорезов исполняли обыкновенные штык-ножи, которые тоже заняли свои штатные места. Далее последовала еще одна новая тщательная проверка всей десантной амуниции, которую в ускоренном темпе провели компетентные офицеры и прапорщики подразделений. У одного из моряков третьего батальона стропы вылезли из газыря, и это стало причиной отмены его участия в прыжках. Ничего не поделаешь – без суеверия никуда!

– Небо не хочет сегодня встречаться с тобой, – с загадочной ухмылкой тогда произнес руководитель прыжков гвардии капитан Александров.

Купол, который достался Баранову, не был подогнан по росту, из-за чего лейтенанту пришлось выслушать целую тираду эпитетов от того же гвардии капитана, который не обращал никакого внимания ни на звания, ни на должности военнослужащих. Доставалось многим, но никто не обижался, так как все понимали, что от этого зависит их жизнь.

Начальник воздушно-десантной подготовки бригады обернулся лицом к стоящим в строю бойцам, и громко прокричал:

– Ну что, покойнички, готовы к прыжку?

– Так точно! – дружно в ответ проорали они.

Служба в ВДВ с детства интересовала Валеру Баранова своей романтикой и мужеством, но ближе всего его сердцу все-таки была легендарная морская пехота. Уж очень он любил фильмы о моряках и литературные произведения о море и флоте. Еще в девятом классе он с удовольствием прочел книгу рассказов писателя-мариниста Леонида Соболева, которую принес для него отец. Поразил его тогда рассказ о батальоне четверых. Как четыре моряка-парашютиста сыграли ключевую роль в исходе всей Григорьевской десантной операции под Одессой. Знал ученик средней школы и историю о героическом Майкопском воздушном десанте, который также осуществили моряки черноморцы. И вообще, морская пехота стала для него родной, потому что была неотъемлемой частью славного и героического военно-морского флота, флота, на котором служили его отец и дядя и о котором сам юноша мечтал с малолетства.

Судьба офицера сложилась так, что срочную службу ему довелось проходить именно среди морских пехотинцев Балтики, но совершать прыжки с парашютом тогда не получилось. Взвод разведки в воздушно-десантных мероприятиях подразделений полка не участвовал, потому что на его штате стояли плавающие танки и БРДМы, которые этого не предполагали. Пройти школу севастопольского учебного центра морской пехоты «Сатурн», где морпехов обучали разведывательно-диверсионной работе, водолазной и воздушно-десантной подготовке, не удалось. Начальник разведки полка порекомендовал ему помахать Севастополю ручкой. А за полгода до увольнения в запас Баранов поступил в высшее военно-морское политическое училище, планируя в будущем стать корабельным офицером.

Однажды, во время увольнения в город, а было это уже на втором курсе, он узнал о новом художественном фильме о десантниках «В зоне особого внимания». С огромным удовольствием посмотрел его вместе с друзьями в кинозале дворца культуры «Славутич». Кинокартина заставила военно-морского курсанта вспомнить морскую пехоту и серьезно задуматься о своем офицерском будущем. В его душе проснулась старая мечта о белом парашютном куполе и разведке! Да и боевая работа гвардии лейтенанта Тарасова, главного героя фильма, произвела тогда на Валерия неизгладимое впечатление. Не думал он тогда, что и ему придется

повторять ее в своей дальнейшей офицерской службе, но только не в ВДВ, а в морской пехоте Балтийского флота.

Вначале учебы под влиянием друзей одноклассников, пришедших в училище из морчестей погранвойск, он загорелся тем, чтобы после четвертого курса продолжить службу в качестве морского пограничника. Но новый фильм о десантниках и морских пехотинцах «Ответный ход», поставленный так же, как и картина «В зоне особого внимания» по заказу самого Командующего ВДВ генерала Василия Филипповича Маргелова, буквально заставил нашего героя задуматься об изменении своих прежних планов. И немаловажную роль во всей этой истории сыграло письмо, адресованное ему начальником политического отдела уже не полка, а бригады морской пехоты, который предложил вернуться в Балтийск. И поэтому после очередного собеседования с главным корабельным старшиной Барановым, мичман-кадровик, курирующий морчасти, нервно закрутил пальцем у виска:

– Да разве от пограничной службы отказываются!

В салоне самолета морпехов рассаживали по обоим бортам по весу и личным габаритам. Гвардии лейтенант оказался вторым по счету от рампы на левом борту. Перед самым подъемом АН-26 в воздух на их скамью, первым с края, присел незнакомый офицер в летном шлемофоне и синем зимнем комбинезоне со спортивным парашютом за спиной. Чудным показалось наличие в его руках длинных белых кожаных перчаток. Когда самолет взлетел и набрал нужную высоту, незнакомец взглянул на забортный пейзаж за кормой АН-26-го и, обернувшись лицом к кабине пилотов, внимательно посмотрел в глаза сидящих по обоим бортам моряков. Потом неизвестный парашютист надел на глаза летные очки и перед тем, как облачить свои руки в длинные белые перчатки, трижды ударил ими по каблуку своего левого ботинка и легко отделился от самолета, сгруппировавшись в воздухе. Некоторое время десантники наблюдали его летящим за рампой самолета, но вскоре фигура начала отдаляться и уходить вниз, паря в воздухе, словно птица. Широко расставленные в стороны руки незнакомца и балансирующие, как рули, согнутые ноги позволяли осуществлять ему различные элементы парашютной эквилибристики. Как выяснилось потом, тем самым таинственным парашютистом был никто иной, как сам начальник воздушно-десантной подготовки флота – полковник Павлов.

Буквально через несколько мгновений в самолете загорелся желтый свет, а потом и зеленый, заставивший нашего ротного вместе со старлеем Примаковым начать побортный выпуск разведчиков. Баранов сгруппировался так, как его учил Толя Блызнюк – согнул ноги в коленях и в падении ударил себя пятками по ягодицам, обхватил левой рукой запаску, а правой взялся за вытяжное кольцо. Стабилизирующий парашют закончил свою работу через три секунды после отделения от борта. Раздался щелчок страхующего прибора. К этому времени гвардии лейтенант уже успел отсчитать давно заученные наизусть: «пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три, кольцо!» – и, дублируя работу прибора, рванул красную проволоку кольца на себя! В этот самый момент он прочувствовал, как вышел основной парашют, сильно дернув его за плечи вверх. Купол работал исправно, перехлестов не было, стабилизирующий спокойно лежал на нем сверху, стропы были натянулись, как струны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.